

**ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА
«О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ»
В РЕГИОНАХ СССР: МЕЖДУ КРИТИКОЙ
И КОНФОРМИЗМОМ**

*Д.Ю. Асташкин,
канд. ист. наук, доцент Новгородского государственного
университета, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
Великий Новгород
strider-da@yandex.ru*

Аннотация. Проведён анализ реакции различных региональных партийных организаций на доклад Н.С. Хрущева и постановление Центрального комитета КПСС о «культе личности» Сталина. Исследуется отношение к проблеме у партийных руководителей и у рядовых коммунистов в провинции.

Ключевые слова: XX Съезд КПСС, «оттепель», общественное мнение, Сталин, культ личности.

**THE DISCUSSION OF THE REPORT “ON THE CULT OF
PERSONALITY AND ITS CONSEQUENCES” IN THE USSR
REGIONS: BETWEEN CRITICISM AND CONFORMITY**

*Dmitry Astashkin,
associate professor of Novgorod State University,
senior researcher of Saint-Petersburg
Institute of History RAS, candidate of historical sciences,
Veliky Novgorod
strider-da@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes how different regional party organizations reacted on Nikita Khrushchev’s report and the decree of the CPSU Central Committee on Stalin’s “personality cult”. It studies the attitude of regional party leaders and common communists to the problem.

Keywords: the 20th Congress of the CPSU, “thaw”, public opinion, Stalin, cult of personality.

Реакции отдельных регионов Советского Союза на доклад Н.С. Хрущева о «культе личности» уже посвящен ряд работ¹. Есть статьи про Витебскую область, Крым, Арзамасскую область и т.д. В частности, десять лет назад вышла знаковая статья профессора О.Л. Лейбовича о реакции Молотовской области². Есть еще такой тоже интересный сборник документов, изданный в РОССПЭНе, там тоже есть ключевые статьи от редакторов именно про доклад «О культе личности и его последствиях»³. Публиковались отдельные подборки документов в журнале «Историк», в журнале «Родина» пять лет назад, к прошлому юбилею этого доклада. Но обобщающей работы именно по общесоюзным тенденциям – до сих пор нет. Я не претендую на то, чтобы сделать эту работу, я лишь пытался прочитать эти документы и что-то обобщить, поэтому я сейчас нахожусь лишь в начале большого пути. Больше всего я знаю, конечно, ситуацию по северо-западу РСФСР⁴, но попытаюсь сейчас обзорно, тезисно дать какие-то моменты общесоюзные.

Итак, как известно, 5 марта 1956 г. Президиум ЦК принимает постановление о том, что нужно ознакомить с докладом Хрущева всех коммунистов, комсомольцев, а также беспартийный актив,

¹ См.: *Аксютин Ю.В.* Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; *Аксютин Ю.В.* Отклики на XX Съезд в стране и за рубежом // XX Съезд КПСС в контексте российской истории. – М., 2012. – С. 43–69; *Батурина Ю.Ю.* Общественно-политические настроения научно-педагогической интеллигенции Саратова и Сталинграда после XX Съезда КПСС // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. – 2010. – № 2(18). – С. 175–179.

² *Лейбович О.Л.* Отзывы на доклад Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» в Молотовской области. Март-апрель 1956 г. // Вестник архивиста. 2010. – № 4. – С. 193–204; 2011. – № 1. – С. 254–269. См. также: 1956: Незамеченный термидор. Очерки провинциального быта / отв. ред. А.В. Чашухин; Перм. гос. ин-т искусства и культуры. – 2-е изд., доп. – Пермь, 2012.

³ Доклад *Н.С. Хрущева* о культе личности Сталина на XX Съезде КПСС. Документы / отв. ред. К. Аймермахер; отв. сост. В.Ю. Афиани. – М., 2002.

⁴ См. *Асташкин Д.Ю.* Партийные отчеты как источник о реакции населения на доклад «О культе личности и его последствиях» (по материалам Новгородской области РСФСР) // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 г. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2021. – С. 376–378.

но никаких инструкций к этому постановлению не прилагает. То есть это чистая импровизация, и областные партийные руководители действуют на свой страх и риск без каких-то дополнительных материалов. Им приходится импровизировать, отвечать на вопросы, резкие вопросы. К тому же сам доклад изначально предназначался для совсем другой аудитории, нежели на местах, в регионах. Это была все-таки высшая партийная номенклатура, совершенно другой уровень понимания. Хрущев-то именно писал под их восприятие. Кроме того, важно понимать, что сами сталинские ритуалы, нормы, обычаи, языковые практики не исчезли сразу же после смерти Сталина, чему эта кампания являет собой пример. Она проходила, по сути, по сталинскому ритуалу, но в то же время искала баланс между сопротивлением сталинистов, а оно было, о чем я еще скажу, и контролем над «прогрессивными» радикалами, которые требовали перемен (а их было очень много). То есть порядок разоблачения был одновременно и привычен, и непривычен. Вообще схема была такая: доклад Хрущева зачитывался либо полностью, либо в пересказе (если это было личное восприятие тех, кто был на съезде), заслушивались вопросы аудитории и давался на них ответ. Прения не допускались, хотя были исключения, о чем я еще скажу. Примерно по такой же схеме проходила и кампания по разоблачению Л.П. Берия, и сам язык даже, который использовался в этих всех обсуждениях, знаком нам уже по предыдущим идеологическим кампаниям. Сталина называл кто-то из обсуждающих «вредителем», кто-то назвал «врагом народа» – т.е. была такая попытка использовать уже привычные клише для абсолютно новых принципов доклада Хрущева. Доклад вызвал множество вопросов, на них были даны «соответствующие разъяснения», которые, повторюсь, были импровизацией и достаточно «сухими», судя по конспектам. Может быть даже в конспектах, отчетах партийные начальники боялись фиксировать свои ответы, потому что если ответишь честно и подробно, то можно за это получить какое-то наказание.

Всё это обсуждение историк С.В. Яров назвал «первая школа политического слушания»¹, а О.Л. Лейбович – «культурным шоком», который сместил рамки привычного политического поведения². Видно, что люди пытаются переосмыслить свое недавнее прошлое, вообще понять его правдивость, как оно интерпретировалось официальными властями. Присутствует недоверие к официальным нарративам, и, кроме того, мы видим некую растерянность перед будущим, потому что неясно, на какую фигуру опираться, и явное недоверие к власти. Приведу сейчас уже более конкретные примеры. Скажем, в Витебской области на вопрос, кем же считать Сталина теперь, представители партии отвечали: *«Сталин является марксистом, он провел большую работу по защите ленинизма от троцкистских извращений. Врагом народа он не был, он ошибался, но считал свои действия направленными на защиту интересов трудящихся»*. Такой достаточно уклончивый ответ, потому что, естественно, как я уже говорил, не знали, будет ли наказание за правдивый и честный ответ, поэтому попытались и «линию партии» использовать и в то же время ответить с некой критикой. Кроме того, иногда у некоторых партийных начальников даже было стремление оправдать Сталина, например, в г. Полоцке на вопрос, когда будут снимать портреты Сталина, был ответ, что в своем докладе товарище Хрущев никого не говорит про снятия и переименования, а личное мнение такое, что этого делать не будут. А на вопрос, является ли Сталин врагом народа, в этом же Полоцке представителем партии был дан ответ: ясно, что товарищ не понял доклада т. Хрущёва, в котором подробно указаны заслуги Сталина и его жизни перед партией и страной и т.д. Ну и вообще в некоторых республиках, в частности, в Грузинской ССР, были тенденции абсолютно оппозиционные. Оппозиционность именно в том плане, что не надо трогать Сталина, как вы знаете, в Гори вообще уже на-

¹ См.: Яров С. В. Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX в. – СПб., 2009.

² См.: Лейбович О.Л. В городе М.: очерки политической повседневности советской провинции в 40-х – 50-х гг. XX века. – 2-е изд. – М., 2008.

чались волнения, это привело к тому, что там было объявлено специальное патрулирование, были большие манифестации, и опять же в сборнике РОССПЭНа есть переписка и представителей «органов», и представителей партии, не буду сейчас это пересказывать. Но важно нам понять, что эти волнения в Гори по поводу обсуждения доклада не были чем-то локальным, они стали известны и в других абсолютно республиках, и в том числе, я видел, на Украине спрашивали про эти самые грузинские волнения. Например, цитирую из отчета ЦК Украинской компартии: *«Почему в Грузии в этом году так широко отмечалась годовщина смерти Сталина? Как реагирует народ Грузии на доклад “О культе личности и его последствиях”? Что за события происходят сейчас в Грузии? Неужели грузины не согласны с политикой партии по вопросу культа личности? Правда ли, что в Грузии в марте было восстание, и грузины требовали, чтобы им отдали тело Сталина? Правда ли, что при жизни Сталина Грузинская республика и её население не платили совершенно налогов?»*. В общем, естественно, информация распространялась на уровне слухов и т.д., в другие республики. Подобные вопросы есть и в РСФСР в некоторых областях. Они показывают, что люди были знакомы с разной реакцией на этот доклад, с тем, что кто-то по-прежнему Сталина поддерживает, что вот есть в Грузии абсолютно радикальное отношение к этому докладу.

Хочу привести пример еще специфической реакции в Литве. Это, конечно, не характерно для всего советского общества, это, скорее, именно такая особенность Прибалтики, но тем не менее. В Литве спрашивали в контексте тоже обсуждения доклада, почему Советская армия вступила в Польшу и в Литву. Шло переосмысление первого этапа Второй мировой войны. Кроме того, шли призывы переименовать все географические пункты с именем Сталина с использованием имен местных национальных героев, литовских. И это, конечно, тоже вызывало определенную реакцию у «органов» в отчетах. Они пишут, что вроде бы как реакция на доклад правильная, но в то же время виден национализм. Прочитую

некоторые отчеты по поводу обсуждения культа личности в Литве: *«Следует отметить, что в последнее время активизировалась вражеская пропаганда за границей, вражеские радиостанции выступают с клеветой на решения XX Съезда, в антисоветском духе трактуют мероприятия партии по разоблачению культа личности. Радиостанция “Голос Америки” в своих передачах на литовском языке основной упор в настоящее время делает на то, что Литва потеряла всякую независимость, стала колонией русских, которые вытравливают из Литвы всё литовское»* и т.д. Шли рекомендации, как противодействовать этому, но в то же время признавалось в этом отчете, что мало помощи оказывает и Совинформбюро, и ТАСС, что антисоветские передачи распространяются среди населения, что с мероприятиями вражеской пропаганды республиканские организации не знакомятся и т.д. Кроме того, в Литве шло активное обсуждение массовых выселок, и как раз таки вопрос, являлось ли это преступлением Сталина или это политика советского государства. И ответ тоже был такой специфический: литовские партийцы отвечали: *«Мы разъясняем трудящимся, что репрессии по отношению к кулачеству и его пособникам были вызваны жестоким отношением кулачества к социальным преобразованиям деревни, наличием вооруженного бандитского подполья, терроризировавшего население»*. То есть вопросы по поводу репрессий и ответы на них в Литве были нетипичными. В других регионах все-таки вопросы про репрессии, про эти кампании звучали и массово, но в то же время на них отвечали более, скажем так, сухо. Там вообще просто признавали факт, что это политика перегибов, тут пытались отвечать в то же время и по-советски, и, признавая преступления Сталина, не признавать это преступлением Советского государства.

В общем с Литвой всё сложно, в плане репрессий в других областях было всё более открыто по обсуждению. В частности, во Львове тоже выступала местная коммунистка, которая сказала: *«У меня четыре члена семьи были убиты, расстреляны, и это всё как раз является следствием культа личности»*... Тема репрессий

постоянно фигурирует так или иначе на самых разных уровнях и люди пытаются это всё как-то осмыслить. Среди конкретных материалов представляется знаковым письмо коммуниста Алексеева из парторганизации Института русской литературы Академии наук в Ленинграде, который по итогам доклада не позднее 9 марта 1956 г. пишет прямо Хрущеву, в Президиум ЦК КПСС, где он как раз предлагает считать Сталина государственным преступником, предлагает провести «плебисцит» на партийных собраниях, чтобы каждый коммунист ответил на этот вопрос, является ли Сталин государственным преступником: да или нет (он считает, что все ответят «да»), и что нужно устроить посмертный «суд партии» над Сталиным, признать его государственным преступником, который совершил много преступлений в отношении членов партии и эти незаконные репрессии установил. Кроме того, это должно привести к удалению его тела из Мавзолея, к сожжению этого тела. Что очень тоже интересно в контексте репрессий, Алексей предлагает все политические процессы проводить только публично. И эта линия того, что нужно больше прозрачности, больше публичности в политических процессах, любые разбирательства, тоже так или иначе присутствует в разных регионах. Например, в Калининском комбинате... сказал: *«Я коммунист с 28-го года, воспитанник комсомола, был превращен во врага народа, шпиона и диверсанта»*. И когда его освободили, он говорит: *«Моя радость была омрачена тем, что я встретил в Калининском комбинате в форме майора госбезопасности Александра, который истязал меня, и лучше меня знал мою невиновность, и толкал туда, откуда я мог выбраться только благодаря вниманию ЦК КПСС. И я думаю, что работу по проверке работников госбезопасности надо продолжать»*. Вот это важное мнение. Оно не частное, оно звучит тоже так или иначе, что нужно больше контроля за госбезопасностью, чтобы не допустить подобных репрессий в дальнейшем. Эта линия встречалась в разных регионах. Кроме того, знаковой для обсуждения представляется связь Сталина с Ежовым, с Берией. Люди пытаются нащупать через эти вопросы, насколько Сталин управлял Ежовым и Бе-

рией, насколько преступления, которые уже четко были отнесены к Ежову и Берии, являются преступлениями Сталина. Убил ли Сталин Кирова – в том числе так или иначе этот вопрос тоже звучит. Убил ли он свою жену, которая могла знать о его преступлениях, – это тоже, повторю, звучало. И еще ставится вопрос о реабилитации, о том, что нужно пересмотреть всю политику с высылкой народов, ускорить реабилитацию посмертно тех, кто был безвинно осужден. Это обсуждение еще является важным источником информации о том, как люди реагировали на репрессии. Конечно, это специфический источник, но тем не менее важный для понимания – материал большой и требует большого осмысления.

Подобная реакция на местах вызвала оторопь у руководства партии, и сразу же возникла попытка всё это свернуть, в Москве была разгромлена парторганизация Теплотехнической лаборатории Академии наук, где обсуждение переросло в критику советского строя и партии¹. И её показательный разгром стал знаковым для других подобных обсуждений и организаций. И в итоге всё это сворачивается, там уже выходят инструкции, как правильно понимать разоблачение культа личности Сталина, т.е. чтобы вести его в определенных рамках, не выходя за пределы. Поэтому это всё так и не пришло к разоблачению именно репрессий, этого преступного курса, а ограничилось только отдельными моментами.

¹ См.: Постановление Президиума ЦК КПСС «О враждебных вылазках на собраниях партийной организации Теплотехнической лаборатории Академии наук СССР по итогам XX Съезда КПСС». 5 апреля 1956 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 13. Л. 20. [Опубл.: Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX Съезде КПСС. Документы / отв. ред. К. Аймермахер; отв. сост. В.Ю. Афиани. – М., 2002. – С. 288–290].